

ИРМА ИВАНОВНА МУЛЛОНЕН

доктор филологических наук, профессор, директор Института языка, литературы и истории, Карельский научный центр РАН

mullonen@sampo.ru

Рец. на кн.: Atlas Linguarum Fennicarum I-3. Helsinki: SKS, 2004–2010.

Полное описание издания:

ALFE I: Suomalaisen kirjallisuuden seura, Kotimaisten kielten tutkimuskeskus. Helsinki, 2004. 464 s. Päätoimittaja Tuomo Tuomi, vastaava toimittaja Seppo Suhonen.

ALFE II: Suomalaisen kirjallisuuden seura, Kotimaisten kielten tutkimuskeskus. Helsinki, 2007. 540 s. Päätoimittaja Tuomo Tuomi, vastaava toimittaja Tiit-Rein Viitso.

ALFE III: Suomalaisen kirjallisuuden seura, Kotimaisten kielten tutkimuskeskus. Helsinki, 2010. 486 s. Päätoimittaja Tuomo Tuomi, vastaava toimittaja Vladimir Rjagojev.

Важным событием в прибалтийско-финском языкоznании последнего времени стал выход в свет в 2010 году завершающего третьего тома «Лингвистического атласа прибалтийско-финских языков». Большой международный проект с участием финских, российских и эстонских лингвистов выполнялся с 1987 года. Основными исполнителями проекта стали три научных института: Научно-исследовательский центр языков Финляндии (Хельсинки), Институт эстонского языка (Таллин) и Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (Петрозаводск). Общее руководство проектом осуществлял профессор Туомо Туми. Основными исполнителями из Карелии были доктор филологических наук Н. Г. Зайцева и кандидат филологических наук В. Д. Рягоев.

В обширном предисловии, подготовленном на четырех языках: финском, эстонском, немецком и русском (короткие резюме на эстонском, немецком и русском предложены также к текстам финноязычных комментариев), описаны некоторые общие установки, в частности цели атласа, принцип отбора и подачи материала, основные этапы работы, в том числе составление вопросника. Здесь же дается общая характеристика прибалтийско-финского лингвистического ареала, в которой отмечается, что на основе сформировавшегося на побережьях Финского залива в I тыс. до н. э. прибалтийско-финского прайзыка сложились со временем семь языков (финский, карельский, вепсский, эстонский, водский, ижорский и ливский), в которых, с одной стороны, сохранилось древнее языковое наследие, с другой – в ходе самостоятельной жизни на уровне лексики оформились присущие только им особенности. При этом заметный отпечаток на лексику наложило то обстоятельство, что прибалтийско-финский мир на протяжении многих столетий был ареной борьбы между Западом и Востоком, католичеством и православием, русским и германским влиянием. Карты во многих случаях наглядно

показывают, где проходила этническая, политическая или культурная граница в тот или иной период времени, поскольку именно они формировали языковые (лексические) ареалы. В приложении к первому тому ALFE, кстати, приведен ряд карт, отражающих административное членение прибалтийско-финских территорий в Средневековье, а также границы по мирным договорам разных столетий. Обращение к ним поучительно и полезно.

Создатели атласа преследовали цель отразить ареальные взаимоотношения прибалтийско-финских языков, выявить центры зарождения языковых и культурных инноваций, а также зоны, подвергшиеся влиянию соседних языковых общностей. При этом особое внимание обращается на материалы, способные прояснить положение вепсского и южноэстонского языков в языковой семье, обосновать генезис олонецкого и людиковского наречий карельского языка. Карты в целом подтверждают известную исследователям мысль о том, что центрами инноваций на протяжении длительного времени были Юго-Западная Финляндия, первая воспринимавшая европейское языковое и культурное влияние и распространявшая его вместе с экспансией населения на север и восток, и Северо-Западное Приладожье – прародина корелы, бывшая одновременно и проводником древнерусского воздействие. Карты свидетельствуют и о том, что далеко не все инновации, возникшие в названных центрах, достигали вепсского языкового ареала. В последнем возникали собственные новообразования на базе исконных прибалтийско-финских основ (lämö ‘огонь’, varastada ‘ждать’), в нем есть древнерусские заимствования, отсутствующие в других прибалтийско-финских языках (mugl ‘щелок’). При этом карты отражают единство вепсского и южнокарельского – ливвиковского и людиковского – лексического материала (см., к примеру, карты eht ‘вечер’ и oiged ‘прямой’ в первом томе), что свидетельствует в пользу участия вепсского

языкового компонента в формировании названных карельских наречий.

В атласе предпринята попытка представить синхронный срез языка первой половины XX века. При этом основным источником материала по финскому и эстонскому языкам явились соответствующие диалектные картотеки, из которых финская содержит более 8 млн словарных карточек, а эстонская – более 3 млн. По остальным прибалтийско-финским языкам основной материал собирался в полевых экспедициях по разработанному на начальном этапе работы над атласом вопроснику. Первый том включает лексику, отражающую физическую деятельность человека и психические явления, присутствуют наименования качеств, сторон света, отрезков времени, некоторых бытовых предметов. Целый ряд карт отражает ареальное бытование местоимений как наиболее устойчивого пласта лексики. Во втором томе ALFE нашли отражение такие понятия, как природа, растительный и животный мир, промыслы и др. Третий том содержит лексику из области традиционной культуры – земледелия, животноводства, рыболовства, одежды и др.

Из почти 900 карт, представленных в ALFE, большую часть составители характеризуют как ономасиологические, то есть отражающие ареальное бытование лексем, связанных с выражением искомого понятия. Ономасиологические карты дополнены при необходимости фонетическими, фиксирующими распределение внутри прибалтийско-финского мира фонетических вариантов лексем. Есть некоторое количество семантических, то есть связанных с географией отдельных значений многозначного слова (например, очень показательна карта 212.1, демонстрирующая распространение на прибалтийско-финской территории значений форматива *kaski* ‘подсека’), и мотивационных карт, показывающих ареальное распределение слов в соответствии с закрепленным в них мотивом названия. Среди последних особенно любопытны карты, представляющие мотивировку названий сторон света, которая связана с направлением перелета птиц (*linnun / lento* ‘юго-запад’, букв. ‘полет птиц’ в одном из говоров Юго-Восточной Финляндии), местом восхода и заката солнца (*kesä / päivän / nousu* ‘северо-восток’, букв. ‘восход летнего солнца’ в финских говорах Саво), временем приема пищи (*puoli / turkina* ‘юг; юго-восток’, букв. ‘(время) полдника’ в ряде карельских говоров), направлением, откуда обычно приходят осадки (*vesi / etelä* ‘юго-запад’, букв. ‘водяной юг’ в говорах Юго-Западной Финляндии) и др. За языковым образом стоит реальный мир.

Ареальная характеристика несет значительный этноисторический заряд, поскольку позво-

ляет интерпретировать этапы складывания и развития прибалтийско-финского мира. Так, спорадически, точечно представленная в разных концах ареала прибалтийско-финского расселения лексема *ohto / otso* ‘медведь’ – это, видимо, рудимент древнего единого ареала, разрушившегося в ходе более позднего развития эвфемизмов *karhu* (от *karhea* ‘шершавый’) и *kontio* (от *kontia* ‘ходить вперевалку, ползать’). При этом западный ареал первого из двух табуированных названий и восточный ареал второго названия свидетельствуют о делении единого мира на запад и восток. Картографирование ряда слов указывает, как представляется, на существование древнего единого ареала, протянувшегося из Прибалтики через Южное Приладожье в Белозерье, то есть по южной окраине прибалтийско-финского мира. Со временем он был разрушен восточнославянским вторжением. Именно такая ситуация реконструируется при анализе карты, представляющей отражение названий боронь в прибалтийско-финских языках. Древнее балтийское заимствование *äes* бытует, с одной стороны, у эстонцев, с другой – у вепсов, при этом в ареале древнекарельского расселения, между этими двумя полюсами, появилось совсем другое слово – *astuva*, которое считается древнерусским заимствованием (из *остынь*).

В заключение следует особо отметить ценность атласа как источника историко-культурной информации. За лексическими фактами скрываются культурные явления. Показательный факт развития материальной культуры отражен на карте 285, на которой предложена ареальная дистрибуция глаголов, использующихся в прибалтийско-финских языках для выражения понятия ‘вязать’. Оказывается, за разными терминами стоит разная техника вязания. В то время как на западе прибалтийско-финского мира преобладает основа *kuto-*, называющая процесс вязания полотна двумя спицами, на востоке предпочтение отдается глагольной основе *neulo- / nieklo-*, характеризующей вязание специальной иглицей. В Беломорской Карелии закрепился пришедший, очевидно, вместе с населением с запада, с побережья Ботнического залива, шведский термин *tikata*, обозначающий вязание по кругу пятью спицами рукавиц и носков. Считается, что такой тип вязания укоренился не раньше XVII века.

Карты атласа предоставляют, таким образом, разнообразный и убедительный материал для интерпретации фактов языка и культуры прибалтийско-финского мира, его формирования и его места в североевропейском контексте. Это, безусловно, один из тех фундаментальных трудов, которые еще предстоит по-настоящему осмыслить и которого ждет долгая и счастливая жизнь.